

К 700-лeтнeму юбилею преподобного Сергия Радонeжского

Т.В. Смирнова

**По железной дороге
из Москвы
в Сергиев Посад**

Сергиев Посад

2012

Смирнова Т.В.

По железной дороге из Москвы в Сергиев Посад [Текст] / Т.В. Смирнова. –

Сергиев Посад: ООО «ВДВ “ПАК”», 2012. – 64 с.: ил.

86.372

С 50

ББК: 86.372

Серия книг «Дорога к храму»

На титульном листе рис. М.П. Митурича-Хлебникова

В серии книг «Дорога к храму» будет рассказано о великом русском святом Сергии Радонежском, Троице-Сергиевой лавре и ее значении в истории России, ее храмах и ее святых окрестностях – скитах и пустынях, о Троицкой дороге к Лавре.

Этот выпуск посвящен Троицкой железной дороге Москва– Сергиев Посад, построенной в 1862 году. В нем рассказывается о тех достопримечательностях – храмах, усадьбах и пр., с которыми можно познакомиться на этом пути.

Предназначен для широкого круга читателей

В настоящей серии вышла книга

– Троицкий собор Лавры

Готовятся к изданию

– Святые окрестности Троице-Сергиевой лавры

– Троице-Сергиева лавра в произведениях художников.

ISBN 978-5-9976-0053-2

Акционерное общество по строительству Московско-Ярославской железной дороги было образовано в 1858 году. Одним из учредителей и самым крупным вкладчиком стал купец Иван Федорович Мамонтов (1796–1869). Он был из сибирских купцов, перебрался в Москву в конце 1840-х годов. С трудом уговорили его взяться за строительство дороги друзья М.П. Погодин и Ф.В. Чижов. Мамонтов вложил все свои средства в строительство и закупку оборудования. Сам работал, не покладая рук, считал каждую копейку. Сумел привлечь большое число вкладчиков в это предприятие. Акционерами стали и 10 членов его семьи. Инженерная часть строительства была поручена барону Андрею Ивановичу Дельвигу (1813–1887). Работы продолжались около двух лет, и 18 августа 1962 года с Ярославского вокзала отправился в Сергиев Посад первый поезд. Его встречали Наместник и все духовенство Лавры, был отслужен торжественный молебен. Одним из первых пассажиров стал митрополит Московский Филарет. Теперь на богомолье в Лавру из Москвы можно было попасть всего за полтора часа, чтобы потом пройти к Лавре пешком или доехать на извозчике.

Поход на богомолье всегда был большим событием. Оно насыщало жизнь радостью, очищало душу, вселяло надежду на исполнение заветных чаяний. Сама дорога к монастырю воспринималась как путешествие, богатое встречами, полное новых впечатлений, а то и опасностей. Вспомним повесть И.С. Шмелева «Богомолье». Пешком, на телеге или в экипаже отправлялись богомольцы в монастырь. Для людей, занятых однообразной тяжелой работой, такой поход становился редким отдохновением и праздником. И для всех он был духовной потребностью. Но и поездка по железной дороге давала возможность выйти из привычного круга дел, разбудить память о великом русском святом, всколыхнуть чувства.

Путешествие к Троице можно совершить и за один день. А можно – дней за пять, как делали паломники до постройки железной дороги. При этом ознакомиться с поистине замечательными местами вдоль пути.

Президент Сергиева Фонда
С.В. Чичков-Баженов

Наш путь начинается от **ЯРОСЛАВСКОГО ВОКЗАЛА**. Первое скромное и небольшое здание вокзала было построено к открытию участка дороги до Сергиева Посада. Но поток пассажиров увеличивался по мере строительства дороги дальше на Север. И в начале XX века стала ясна необходимость постройки нового здания. Проект был поручен академику Францу Шехтелю (1859–1926), уже достаточно известному в то время архитектору. Говорят, что Москва без Шехтеля была бы не Москва. Построил он немало. Но и тот, кто не вспомнит его архитектурных произведений, конечно, знает чайку на занавесе МХАТа. Это тоже его творение.

Он создал запоминающееся, своеобразное здание вокзала, в котором сочетаются элементы модерна и неорусского стиля. Запоминается прежде всего выразительный силуэт постройки. Обращает на себя внимание его ассиметричность, высокий гребень кровли над основным объемом, восьмигранный шатер водонапорной башни. А при рассмотрении вблизи мы видим и облицовку глазурованными плитками, и цветные майоликовые вставки, и лепнину, и металлические кружева на гребне.

Строительство было закончено в 1904 году. В дальнейшем здание несколько раз реконструировали, так что со стороны путей мы видим теперь лишь стеклянную стену. Рассмотреть уникальную постройку Шехтеля можно со стороны Комсомольской площади.

Итак, мы садимся на Ярославском вокзале в электричку, следующую в Сергиев Посад или Александров. За окнами долго еще тянется городская застройка. Проезжаем платформы **ЛОСИНО-ОСТРОВСКАЯ, ЛОСЬ...** За постройками с правой стороны дороги находится крупнейший лесной массив Москвы. В XV–XVIII веках здесь были охотничьи угодья русских князей и царей. Сейчас это Национальный парк «Лосиный Остров».

Вот и первая платформа за границей МКАД: **ПЕРЛОВСКАЯ**. Она названа по имени купца-чаеоторговца Василия Перлова, у которого здесь было имение. Считается, что он и построил в этой местности первые дачи. Мы воспринимаем чай как наш национальный, даже православный напиток. А ведь он стал популярным в Москве лишь в конце XVIII столетия. И благодарить за это мы должны А.И. Перлова, который открыл первую чайную лавку и начал торговать чаем в розницу. В 1887 году Александр III в связи со столетним юбилеем фирмы пожаловал Перловым дворянство. Раньше чай закупали только в Китае. На коронацию Николая II в 1896 году ожидали приезда китайского представителя. Братья Перловы рассчитывали, что посол посетит их торговые заведения. К этому времени фирма разделилась на две: Семен Васильевич Перлов владел магазином на 1-й Мещанской, а Сергей Васильевич (1836–1910) – на Мясницкой. Сергей отделал магазин в китайском стиле (архитектор Карл Гиппиус). А китайский посланник приехал на Мещанскую. Но и Сергей не остался в убытке: «Китайская шкатулка», как стали называть его магазин, полюбилась москвичам. Особенно хорош был его необычный интерьер с настоящими китайскими вазами, с драконами, фонариками, отделанный деревом, которое покрыто красным лаком. Все Перловы много занимались благотворительностью. Сергей Васильевич еще всю жизнь помогал Оптиной пустыни и Шамординскому монастырю, в котором даже наладил производство металлических расписных чайниц. Он часто повторял, что с тех пор, как стал помогать монахиням, его торговля пошла как никогда прежде.

И в советские времена этот магазин на Мясницкой (Кирова), против Главного почтамта, торговал чаем и кофе. Старинные медные мельницы размалывали кофейные зерна. А запах свежесмолотого кофе ощущался даже на улице! Но потом дом, столько лет простоявший без ремонта, пришел в упадок. К счастью, правнучка С.В. Перлова решила несколько лет назад воссоздать фирму и реставрировать здание магазина, аналогов которому нет ни в Китае, ни в Европе. Ей передали его в аренду по ходатайству Святейшего Патриарха, который обратился к мэру Москвы, отметив, что «Дом Перловых известен не только успешным предпринимательством, но и обширной благотворительной деятельностью и значительной материальной помощью учреждениям Русской Православной Церкви».

На этом рассказ о чае не заканчиваем. Вернемся к нему, когда подъедем к Мытищам.

Следующая платформа – **ТАЙНИНСКАЯ**. Есть разные версии, откуда такое название. Но пусть они останутся для нас тайной. Вспомним лучше о том, что в Тайнинском стоял путевой царский дворец и была возведена во второй половине XVII веке Благовещенская церковь, дошедшая до нашего времени. Во времена царя Алексея Михайловича было построено немало таких пятиглавых храмов по всей России. В его царствование, после событий Смутного времени, впервые происходит массовое строительство каменных церквей. Именно они, чаще всего в сочетании с шатровой колокольней, и стали определяющими для самого понятия русского пейзажа. Вспомним знакомые с детства картины «Грачи прилетели» А. Саврасова и «Московский дворик» В. Поленова. На последней изображена московская церковь в Спасопесковском переулке 1711 года – традиции строительства подобных церквей сохранялись в начале XVIII века даже в столице.

Но двух одинаковых церквей не существует. И Благовещенскую церковь в Тайнинском стоит увидеть. Стройный силуэт, высокие окна, вытянутые барабаны... Крыши собственно нет – четверик храма завершается

пирамидой кокошников, над ними возвышаются пять глав. Такой тип храма в последнее время стали называть «огненным» как раз из-за этого завершения. Село было дворцовым, и архитектура храма отличается исключительным богатством украшений. В полной мере в его облике сказалась любовь русского народа к узорочью.

Неожиданный вид открывается с западной стороны, где пристроена трапезная. Что это?! Почему нам вспомнился деревянный дворец Алексея Михайловича в Коломенском, давно не существующий, но смутно знакомый по иллюстрациям в любой книге о русской архитектуре? Мы видим «бочку», не деревянную, какие были в Коломенском, а из кирпича. В каменное зодчество проникают в это время элементы деревянной архитектуры. Пожалуй, форма, названная бочкой, больше напоминает разрезанную пополам луковицу или лодку с килем, перевернутую вверх дном. Кокошники, подобные ей, называют килевидными – взгляните вверх и вы увидите их в основании барабанов церкви. Они встречаются в московской архитектуре, начиная с конца XIV века, и являются ее отличительной особенностью. От центра фасада трапезной расходятся лестницы под «ползучими» сводами, они ведут к площадкам, над которыми возвышаются небольшие шатры. А вот колокольни нет... Оказывается в бочке-то и висели раньше колокола.

В последние годы церковь была реставрирована. Восстановили и давно утраченное «огненное» завершение, а с южной стороны пристроили звонницу. И высится теперь над рекой Яузой храм, равный которому по красоте трудно найти. А неподалеку, на месте давно разрушенного путевого царского дворца, находится памятник Николаю II, созданный скульптором Вячеславом Клыковым (1939–2006). Величественная статуя императора в царской мантии, с державой и скипетром в руках, в царской короне, стоит на высоком постаменте в форме колокола. Он изображен в момент венчания на царство и был поставлен к столетию этого события (1996 год). Но вскоре памятник взорвали противники монархии. Скульптор создал

новый памятник, также из меди. Его открытие, приуроченное к канонизации царской семьи, состоялось в 2000 году.

К Благовещенской церкви и памятнику можно пройти пешком от платформы Тайнинская, но не все электрички останавливаются на ней. Можно выйти на станции Мытищи и доехать до церкви маршруткой № 12.

МЫТИЩИ. Что возникает в памяти при этом слове? Мыт – пошлина, которую собирали в этих местах с проезжих? Это верно, но скорее кому-то вспомнится повесть И. Шмелева «Богомолье, у кого-то встанет перед глазами картина Перова «Чаепитие в Мытищах», виденная в Третьяковской галерее. Раньше многих московских охотников привлекали в эту местность болота, где водилось много дичи. И тут тоже не обходилось без чаепития. Приведем начало одного из охотничьих рассказов Н. Воронцова-Вельяминова.

«На пятнадцатой версте от Крестовской заставы на Троицком (Ярославском) шоссе стоит многим знакомое село Большие Мытищи. Почти все богомольцы, едущие или идущие в Троице-Сергиеву лавру, останавливаются там, чтобы напиться чрезвычайно вкусного чаю или необыкновенно вкусной и свежей воды. Известно, что Мытищи снабжают водой все московские фонтаны посредством знаменитого водопровода, на месте же эта вода имеет необыкновенно приятный вкус и ничем не заменимую свежесть.

Шумно и весело живут в Мытищах. Экипажи и пешеходы беспрестанно встречаются или обгоняют друг друга. То едет тяжелый длинный тарантас, нагруженный огромною семьею московского торговца, то лихая почтовая тройка мчит бульварного франтика, то извозчикья четырехместная карета пробирается маленькой рысью, и из окон ее выглядывают головки в беленьких гладких чепчиках, то идет мастеровой, держа на палке свое платье – много, много едут и идут, и все они за мостом, на середине села, подвергаются истинному нападению.

Нападение это не страшно, но оригинально. Завидя издали приближающийся экипаж, десяток или два деревенских девушек стремглав к нему бросаются и наперерыв зовут откушать чаю.

– Ко мне, барин ... к нам, сударыня... вот мой столик под березками... откушайте чайку...

Эти слова, мешаясь между собою и часто сопровождаемые легкими толчками и потягиванием за платье, совершенно сбивают с толку проезжего. Иногда даже против желания вылезает он из экипажа и, окруженный толпою этих девушек, идет к какому-нибудь столу. Тут его сажают на лавочку и заставляют пить чай, в чем он после и не раскаивается, потому что, повторяю, чай в Мытищах необыкновенно хорош, а русский человек чаек любит».

Рассказ этот относится к середине XIX века. Еще Екатерина II, узнав, что москвичи испытывают недостаток хорошей питьевой воды, поручила инженеру Ф. Бауру (1734–1783) найти для Москвы запасы воды. Тот провел гидрогеологические изыскания и пришел к заключению, что наиболее подходящими являются мытищинские источники. В 1779 году императрица подписала указ о строительстве водопровода под руководством Баура. Работы длились четверть века и стоили очень дорого. Наконец, в 1804 году, замечательная мытищинская вода пришла в столицу. Сохранился участок этого первого московского водопровода – Ростовский акведук, но он останется в стороне от нашего маршрута.

Мытищи после постройки железной дороги была первой станцией, где останавливались поезда. Лишь значительно позже, в связи с появлением дачных поселков сделали промежуточные платформы. А раньше поезда останавливались только в Мытищах, Пушкине, Софрине, Хотькове и Сергиевом Посаде. На этих станциях поезда заправляли водой, о чем напоминают водонапорные башни с правой стороны дороги. При подъезде к Мытищам мы могли видеть такую краснокирпичную башню, ставшую ненужной, после того как дорога была электрифицирована. Эта башня

сохранила свой облик Другие, которые встретятся нам дальше, перекрашены в унылые цвета железной дороги – серый и синий.

Проезжая Мытищи, вспомним, что в этом городе находится большой машиностроительный завод. В 1896 году было учреждено Московское Акционерное общество «Вагоностроительный завод». Организаторами были Савва Иванович Мамонтов (1841–1918), Константин Дмитриевич Арцыбушев (1849–1901) и Александр Вениаминович Бари (1847–1913). Савва Иванович, сын И.Ф. Мамонтова, строителя Троицкой железной дороги, о котором мы упоминали вначале, считал необходимым наладить отечественное производство всего, что необходимо для строительства и эксплуатации железных дорог. Он и был избран Председателем Правления Акционерного общества. К.Д. Арцыбушев стал первым директором-распорядителем, а А.В. Бари принял на себя исполнительный проект по строительству завода и оснащению его оборудованием. 22 мая 1897 года состоялось торжественное официальное открытие и освящение завода. Сейчас этот завод производит вагоны для метрополитена.

А мы продолжаем наш путь. Мелькают одна за другой бывшие дачные платформы. В районе Челюскинской с обеих сторон железной дороги видны загадочные красные с белой отделкой постройки. Видно, что руку к их созданию приложил архитектор. Мало кто из пассажиров электрички знает для чего тут такие сооружения. В этом месте под землей проходит Акуловский трубопровод. По нему волжская вода из Акуловского (Учинского) водохранилища – одного из водохранилищ канала имени Москвы–Волга – поступает на Восточную водопроводную станцию столицы. Здания «переключателей» – так называются эти постройки, служат для переброски в необходимых случаях потока воды из одной нитки канала в другую. Их проекты разработаны в Московском филиале Дмитровской архитектурной мастерской. Многие вспомнят, наверное, в связи с упоминанием канала (с 1947 года канала имени Москвы) веселую киноленту «Волга-Волга». А строили канал заключенные (1932–1937 годы).

Число жертв не может сказать никто. Их зарывали в массовых безымянных могилах. В память о тех, кто при строительстве был замучен, убит, умер от голода и истощения, на берегу канала в Дмитрове поставлен в 1997 году тонкий 13-тиметровый памятный крест. Авторы его Дмитрий Шаховской, Андрей Красулин и Владимир Буйнов.

Мы подъезжаем к платформе **ТАРАСОВСКАЯ**. Вдали, с правой стороны по ходу поезда, видны веселые голубые купола пятиглавой церкви с шатровой колокольней. Это храм Покрова Божией Матери в Черкизове. Издали кажется, что церковь XVII века. Но ее построили в самом начале XX столетия в так называемом псевдорусском или историческом стиле. Она практически все время оставалась действующей. После Великой Отечественной войны в ней венчались дочь священника о. Павла Флоренского Ольга с только что вернувшимся с войны музыкантом и дирижером Сергеем Зосимовичем Трубачевым (1919–1995). Он стал впоследствии известным церковным композитором и принял незадолго до кончины сан диакона.

Платформа **МАМОНТОВСКАЯ**. Получила она это название, потому что тут была дачи строителя Ярославской железной дороги С.И. Мамонтова и его брата Анатолия. Дачи не сохранились.

Мы пересекаем речку Учю. Стоит оторваться от книжки и посмотреть, как красиво она извивается на открытой, безлесной местности. Приближаемся к станции **ПУШКИНО**. Есть разные мнения о происхождении ее названия. Есть и предположение, что оно связано с предками А.С. Пушкина. Но не будем на этом останавливаться. У многих, наверное, встанут в памяти строчки другого поэта:

*Поселок Пушкино горбил
Акуловой горою,
А низ горы деревней был,
Кривился крыши корою...*

В. Маяковский.

(Необыкновенное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче.)

Взглянем на стройную водонапорную башню, к сожалению, не так давно изуродованную людьми, непонимающими, что это замечательный памятник промышленной архитектуры середины XIX века.

Электричка спешит дальше, мелькают за окном одна за другой платформы. Платформа **ПРАВДА**. Такое название дано потому, что в 1930 г. территория возле нее была отведена под строительство «Зеленого городка» для работников одноименной газеты. В связи с этим изменилось и название следующей платформы – **ЗЕЛЕНОГРАДСКАЯ**. Раньше она называлась Спасская – рядом находится село Спасское или Спасское-Кошеево, в котором была церковь во имя Нерукотворного образа Спасителя.

Вспоминается стихотворение Бориса Пастернака (1890–1960), начинающееся строкой «Незабвенный сентябрь осыпается в Спасском...». Пастернак до того как получил казенную дачу в Переделкине, не раз и бывал, и жил на дачах по этой дороге. Так, 1910 году он приезжал в Спасское, где гостила Елена Виноград. Стихи к ней составили книгу Пастернака «Сестра моя – жизнь». Сын поэта Евгений Борисович как-то высказал мысль, что стихотворение «Золотая осень» тоже навеяно воспоминаниями о Ярославской железной дороге. Проезжая осенью путь от Зеленоградской к Сергиеву Посаду, можно с ним согласиться:

*Осень. Сказочный чертог,
Всем открытый для обзора.
Просеки лесных дорог,
Заглядевшихся в озера.*

*Как на выставке картин,
Залы, залы, залы
Вязов, ясеней, осин
В позолоте небывалой...*

Мы приближаемся в станции **СОФРИНО**. Привлекает внимание необычное здание вокзала, находящегося с левой стороны, выстроенное в

1910 году. Автором его был известнейший архитектор А.В. Щусев (1873–1949). В последнее время все постройки, принадлежащие Северной железной дороге, выкрашены одинаково – в серый и синий цвета. Не избежал такой участи и софринский вокзал. Намного веселее он выглядел, когда имел розовую с белым окраску и вызывал в памяти кремовый торт с розочками.

А само село – древнее, известно уже в XV веке. Тогда оно называлось Сафарино. В нем сохранилась Смоленская церковь конца XVII века, не так давно реставрированная. Из окна вагона она не видна. *Чтобы ее увидеть, придется сойти с электрички и пройти около трех километров пешком вперед по правой стороне дороги или, доехав до платформы Ашукинская, вернуться назад. Это более удобный путь.*

Каких-то полтора десятка лет отделяют строительство этой церкви от церкви в Тайнинском, но тут мы видим совсем другую архитектуру. Тайнинский храм построен в стиле, характерном для времен царя Алексея Михайловича. Софринский – великолепный образец одноглавого храма в стиле нарышкинского барокко. В Россию стиль барокко, пышный, с причудливой орнаментикой, пришел с Запада, и нашел отклик у русских зодчих. Ведь они стремились как можно нарядней украсить храм, воспринимавшийся к тому времени как дом Божий. Но этот стиль не был просто заимствован, а творчески переработан и достиг расцвета в 90-е годы XVII столетия. Название получил по боярам Нарышкиным, родственникам Петра I по матери его Наталье Кирилловне. На их средства была построена знаменитая церковь Покрова в Филях (1693 год). Церковь в Софрине возведена в 1691 году на средства другого царского родственника – ближнего боярина Федора Салтыкова, дочь которого Прасковья вышла замуж за царя Ивана Алексеевича, брата Петра I. В Сафарине Салтыков выстроил усадьбу и церковь, бывшую сначала домовою. Она необыкновенно стройна. Такой тип церквей – ярусных – встречается и в деревянном зодчестве конца XVII века. (Мы с вами уже встречались с взаимовлиянием

каменных и деревянных форм). Четверик храма стоит на высоком подклете, раньше окруженном гульбищем. На нем поставлены два восьмерика друг на друге, верхний перекрыт сводом, на котором высится также восьмигранный ярус звона, а на нем – восьмигранный барабан, увенчанный главой. Этот тип церквей обнаруживает стремление зодчих конца XVII к большей ясности и симметрии строения. Нельзя не обратить внимания и на цвет постройки. Любимое русским народом сочетание белого и красного активно используется и церковной архитектуре. Наличники окон и другие декоративные детали, вытесаны из белого камня – они так нарядно выделяются на фоне красных стен. В XIX веке были выстроены трапезная и колокольня, так что ярус звона церкви перестали использовать по прямому назначению.

После остановки в Софрино, глядя в окно с левой стороны по ходу поезда, мы увидим корпус Производственно-художественного предприятия Русской Православной церкви с хорошо читаемой надписью: «РУСЬ СВЯТАЯ, ХРАНИ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ», и храм во имя Святого Серафима Саровского на территории предприятия. В 1972 году Святейший Патриарх Пимен обратился к Правительству с просьбой о выделении участка земли для строительства завода, высказав пожелание, чтобы он находился между Москвой и Сергиевым Посадом. Строительство было закончено в 1980 году. Сейчас это большое предприятие, где сочетаются древние русские традиции церковного искусства и современные технологии. Тут выпускают облачения для священнослужителей, церковную утварь (купели, кресты, панагии, лампады и пр.), иконостасы, киоты, свечи, в том числе сувенирные – пасхальные рождественские, юбилейные и многое другое. Лучшие образцы и новинки можно увидеть в музее предприятия.

Посетить музей можно только с экскурсией по предварительной письменной заявке установленного образца.

Церковь Серафима Саровского, законченная строительством в 1997 году, является домовою и предназначена для сотрудников предприятия и

гостей. Так что мы полюбуемся ею из окна поезда, благо она высокая и верх ее виден прекрасно. Какой-то особенно приветливый теплый цвет стен, вытянутый силуэт, позакомарное покрытие, купол изумительно четкой луковичной формы – все это выгодно отличает мелькнувший за окном храм из многочисленных церковных строений последних лет.

А электричка уже подходит к платформе **АШУКИНСКАЯ**.

Не забудьте, что не все поезда на ней останавливаются, так что если вы предлагали посетить музей «Мураново», надо было посмотреть заранее расписание электричек. Музей находится километрах в пяти от платформы. Это расстояние можно преодолеть пешком, пройдя по дороге, идущей влево от платформы, или дождаться автобуса.

Музей-усадьбу «Мураново» называют домом двух поэтов: Евгения Баратынского (1800–1844) и Федора Тютчева (1803–1873). Сгоревший не так давно в грозу дом восстановлен, спасены в основном и экспонаты музея. Не будем останавливаться на родственных связях семейств Энгельгардов, Баратынских, Путяты, Тютчевых, Аксаковых, живших в усадьбе. Об этом вы обязательно услышите от музейного экскурсовода – в музее водят экскурсии, составленные из одиночных посетителей. Обратим внимание на сам дом. Он построен в начале 1840-х годов, когда золотой век усадеб уже заканчивался. Евгений Баратынский, вышел в отставку в 1826 году, и через какое-то время поселился в имение тестя Муранове. Когда семья разрослась, решил построить новый дом, но не призвал архитектора, а сам разработал чертежи, желая создать простое и удобное жилище. Стены из вертикальных бревен для тепла были обложены кирпичом. Окна в восьмигранном фанаре, где проходили занятия детей, нарочно расположены так высоко, чтобы они не отвлекались во время уроков.

Баратынский осуществил в Муранове свой идеал: жить «В кругу друзей своих, в кругу семьи своей». В одном из писем 1942 года он писал в Петербург П.А. Плетневу: «Обстоятельства удерживают теперь меня в небольшой деревне, где я строю, сажу деревья, сею, не без удовольствия, не без любви к этим мирным занятиям и к прекрасной окружающей меня

природе». Стихотворение «Посев леса» кончается удивительной строфой, о зародышах «елей, дубов и сосен»:

*И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти
Поэзии таинственных скорбей,
Могучие и сумрачные дети.*

Эта роща сохранилась, но поэту не пришлось увидеть ее и почти не пришлось жить в новом доме. Вскоре он заболел и скончался, прожив всего 44 года.

Как бы ни старались литературоведы убедить, что стихи Баратынского, этого поэта пушкинской плеяды, вошли «в сердце и сознание нашего народа» (Лев Озеров), все же сейчас он поэт для немногих. Да и сам Баратынский скромно говорил:

*Мой дар убог, и голос мой негромок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? Душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи
Читателя найду в потомстве я.*

Да, читатели у него есть. Это те, кто не боится стихов философских, кто вдумывается и вчитывается в строки, а не скользит по ним взглядом. Это многогранный поэт. У него можно найти стихи, на которые написан, наверное, слышанный вами чудный романс М.Глинки «Разуверение»:

*Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!..*

Есть у Баратынского и стихотворение «Последний поэт». Трудно поверить, что такие суровые слова произнесены еще в первой половине XIX столетия. Вот первые строки:

Век шествует путем своим железным,

*В сердцах корысть, и общая мечта
 Час от часу насущным и полезным
 Отчетливей, бесстыдней занята.
 Исчезнули при свете просвещения
 Поэзии ребяческие сны,
 И не о ней хлопочут поколенья,
 Промышленным заботам преданы.*

Имя другого поэта – Федора Тютчева – несравненно более известно. Кто не вспомнит этих строчек?

*Люблю грозу в начале мая,
 Когда весенний, первый гром,
 Как бы резвяся и играя,
 Грохочет в небе голубом ...*

Сам поэт не жил в Муранове. Владельцем усадьбы стал его сын Иван (1846–1909). Поселилась в усадьбе и вдова Тютчева Эрнестина (1810–1894). Она перевезла обстановку спальни мужа, его письменный стол, личные вещи, портреты, фотографии. Долгие годы прожила она в этой усадьбе и словно незримо присутствует в комнатах мурановского дома. Он полон ее вышивками, столь многотрудными, что можно лишь удивляться трудолюбию этой женщины. Мы видим ее величественную красоту на портретах. Надо сказать, что сам поэт равнодушно относился к судьбе своих произведений, и многое могло быть утрачено. Эрнестина изучила русский язык (родным ее языком был немецкий), чтобы читать в подлинниках стихи мужа, и поняла их глубину. Она бережно сохранила рукописи, и в 1886 году издала том стихов Тютчева. К этому времени поэт был основательно забыт. Только в середине 1890-х годов его оценили вновь.

А нас уже ведет экскурсовод по анфиладе комнат. Анфилада – обычный прием планировки дома, свойственный XIX веку. Он редко используется в наше время. Члены семьи и гости могли гулять по дому, как по парку. Мебель, картины, фарфор, бронза... Замечательная особенность этого мемориального музея в том, что каждая вещь в интерьере на своем месте, а не в витрине с этикетками. И другая особенность: здесь

естественным образом уживаются произведения французского, русского, немецкого, английского искусства, да к тому же разного времени, как это и было в действительности. К вещам относились бережно и не стремились во что бы то ни стало приобрести модную новинку. Так, саксонским сервизом XVIII века семья Тютчевых пользовалась более ста лет. Мирно соседствуют здесь и французские часы золоченой бронзы в стиле ампир, и фотографии внуков поэта конца 1880-х годов. И все это создает ощущение подлинности, какой не удастся достичь самым тщательно научно разработанным музейным интерьером.

Но как удалось сохранить и так сохранить до наших дней этот уникальный дом?! Усадьба была превращена в музей в 1920 году. Но сколько было таких усадеб, в которых открывали музеи в то время! Уцелели единицы из них. Помогло то, что первым директором был назначен внук поэта Н.И. Тютчев, а после его кончины – правнук К.В. Пигарев. И возглавляли они музей целых 60 лет.

Конечно, Вы услышите в музее немало стихов Тютчева и почувствуете совершенно особое отношение поэта к природе:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

В стихах Тютчева столь точное выражение различных состояний природы, что на память прежде всего приходят отдельные строфы:

*Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...*

...Весь день в бездействии глубококом,

*Весенний, теплый воздух пить,
 На небе чистом и высоком
 Порою облака следить;
 Бродить без дела и без цели
 И, ненароком, налету,
 Набрести на свежий дух синели
 Или на светлую мечту.*

*Так, в жизни есть мгновения –
 Их трудно передать,
 Они самозабвения
 Земного благодать.
 Шумят верхи небесные
 Высоко надо мной,
 И птицы лишь небесные
 Беседуют со мной...*

Тютчев – поэт-мыслитель. Можно вспоминать еще и еще его стихи о любви, стихи о жизни, стихи о судьбах России... «О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии». Это слова И.С. Тургенева. Вернувшись домой, возьмите в руки томик Тютчева.

А мы пройдем по парку, подойдем к маленькой деревянной церкви во имя иконы Спаса Нерукотворного. Ее построил сын поэта Иван Федорович. В 1888 году по всей России торжественно отмечали 900-летия принятия христианства. Эрнестина Тютчева писала своей падчерице Дарье Федоровне, с которой ее связывала большая дружба, о юбилейных событиях, проходивших в этой церкви:

... вчера – праздничная обедня с молебном и водосвятием в честь 900-летия введения христианства на Руси. Все было очень красиво и торжественно, насколько это возможно в известной тебе тесноте. Всенощная тоже более торжественная и долгая, чем обычно. Священник замечательно вел службу, он был облачен в ризу, подаренную тобой в церковь Ивана. Вчера во время обедни были употреблены подаренные мной воздушы и чаша и очень красивая риза, сделанная из покрыва, лежавшего на гробе 2-жи Путяты. Для освящения воды в источнике священник надел

расшитую серебром ризу, подаренную Дмитрием Васильевичем. Иван старался, чтобы все пожертвования в его церковь были употреблены на службах в честь великой годовщины крещения русского народа. Дети из школы пели, всем раздавалась маленькая книжечка о крещении Руси и о Государе, вернее, Государях, введших его. Конечно, и у тебя в Варваринской церкви вчера состоялись религиозные торжества с раздачей этой же книжечки, и по всей России было то же. Хоть бы эти миллионы молитв и выражений благодарности дошли до Неба, как чистый фимиам, угодный Богу, хоть бы они послужили возрождению сердец в России и продвижению ее по доброму пути.

Лучше, пожалуй, побывав в этом музее, вернуться в Москву – вы уже полны впечатлениями. И осуществить поездку дальше в другой день. Ведь впереди нас ждет еще много интересного.

Следующая платформа на нашем пути **АБРАМЦЕВО**. От нее налево идет пешеходная дорожка в музей-усадьбу Абрамцево, в которой жил с большой своей семьей писатель С.Т. Аксаков, а потом С.И. Мамонтов В 1977 году абрамцевский музей получил статус музея-заповедника.

Попасть в музей можно также, выйдя на станции Хотьково. Пройдя чуть назад, вы увидите здание автовокзала. Возле него останавливается автобус № 55 и маршрутка с таким же номером. Если вы попадете на рейс автобуса с сокращенным маршрутом, то придется пройти к музею по шоссе минут 20.

В музейный комплекс входит вся территория усадьбы: усадебный дом, церковь Спаса Нерукотворного, «Избушка на курьих ножках», Баня-теремок, в которой находится выставка работ столярной мастерской, Студия-мастерская с выставкой керамических работ Врубеля, выставка произведений народного искусства в помещении бывшей кухни, поленовская дача, в которой проводятся временные выставки, парк и отдел современного искусства, расположенный сейчас в здании, построенном на территории усадьбы в 1930-х годах для Дома отдыха.

Предварительно стоит узнать, какие отделы музея работают, так как некоторые могут быть закрыты на ремонт.

Абрамцево – старинную усадьбу, «с приятным местоположением и устроенным домом», расположенную верстах в 18 от Троице-Сергиевой лавры и верстах в 5 от Хотьковского монастыря, в 1843 году купил Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859). Деревянный, одноэтажный дом с мезонином, построенный, вероятно, еще в конце XVIII века, – один из немногих образцов деревянного провинциального классицизма, сохранившихся до наших дней. В нем нет торжественности классицизма столичного – он прост, уютен, соразмерен человеку. Неизвестный архитектор очень удачно поставил его на высоком берегу Вори, спускающемся искусственными террасами к воде. Если мысленно убрать поздние боковые пристройки, перед нами предстанет симметричное здание. Здесь нет почти обязательных для классицизма колонн. Но гармония пропорций, благородная простота соответствуют этому стилю. Об этом же говорит и такая деталь, как полукруглые итальянские окна в треугольных фронтонах. Перед домом широкий двор, ограниченный хозяйственными постройками. А с противоположной стороны балкон, откуда владельцы усадьбы могли любоваться прекрасным видом. Сейчас его частично закрыли разросшиеся деревья. Комнаты по-старинному идут анфиладой. Часть интерьеров сохранилась с аксаковских времен. В традициях позднего классицизма каждая комната имеет свой цвет: зеленый, голубой, светло-желтый, красный. И хотя в 1830–1840-х годах эпоха классицизма заканчивается, в домах еще долго сохраняется обстановка того времени: мебель, часы, люстры, как мы видим это в аксаковских комнатах.

В усадьбе шла тихая сельская жизнь с варкой варенья, сушкой грибов, заготовкой солений. У Аксакова было 14 детей – большая дружная семья, спаянная любовью и уважением. В ней хорошо чувствовали себя гости. Большое значение для Аксакова имело то, что усадьба стояла на речке. С малых лет он пристрастился к ловле рыбы на удочку. Приехав в Абрамцево, он полюбил эту местность. Вот отрывок из одного его письма: «...теплая

осень, особенно тихая и слегка дождливая, производит на меня глубокое впечатление, конечно, грустное, но сладкое в то же время: именно сегодня такой день. Все пожелтело, тихо падают листья, вода изменила свой цвет, осенняя птичка подлетела к дому и села... Бегу сейчас на реку, разложу свои удочки, закурю сигару и сяду, – и где сяду, и что стану думать, чувствовать, – не знаю, но чувствую жажду к этому нравственному состоянию».

Смолоду Аксаков интересовался литературой, писал критические литературные и театральные заметки, басни, фельетоны, очерки. Но стал настоящим, признанным писателем только в Абрамцево, на шестом десятке лет. У него стало слабнуть зрение. Читать стало трудно. И Аксаков всерьез взялся за перо. Сидя на берегу Вори с удочкой, он задумал написать книгу об этом занятии. Ею стали «Записки об ужении рыбы», вышедшие в 1847 году. «Записки» имели большой успех. Один из современников вспоминал, что, приехав в Абрамцево, он увидел в сенях огромное количество разнообразных удилиц. Оказалось, что все это подарки от благодарных читателей. А про речку Ворю, на которой стоит Абрамцево, стали говорить: «аксаковская Воря». Успех окрылил старого писателя, и следующее произведение он посвятил охоте. Эпиграфом к «Запискам ружейного охотника Оренбургской губернии» он взял свои стихи:

*Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов;
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И – в свои молодые годы.*

И эта книга была принята читателями с восторгом. Но главное место в наследии Аксакова занимает автобиографическая проза. Может быть, особое обаяние таких его произведений как «Детские годы Багрова-внука» и «Семейная хроника» связано с тем, что они не написаны, а рассказаны. У

писателя в 1850-х годах было уже настолько ослаблено зрение, что он диктовал, а дочери записывали. И сам он называл себя «рассказчиком» действительных событий. Все получалось так живо, так ярко и в то же время просто, что эти книги, в которых нет вымысла, читаются с захватывающим интересом. Такой литературы до Аксакова еще не было.

«Детские годы Багрова-внука» – первая русская книга, написанная о детстве. Раньше писатели не уделяли этому периоду внимания, считая его просто подготовкой к взрослой жизни. Аксаков понял, какое это интересное время, и как много оно значит для формирования характера человека. Он посвятил эту книгу своей внучке, и написана она прежде всего для детей. К книге приложена была сказка «Аленький цветочек». И ее писатель не сочинял, а просто записал сказку так, как ему рассказала ключница Пелагея.

Старшие сыновья Аксакова – Константин и Иван, как и отец, были идеологами славянофильства и друзьями таких известных славянофилов, как А.С. Хомяков, братьев Киреевские, Ю.Ф. Самарин. Славянофилы считали, что Россия не должна подражать Западной Европе, что следует опираться на допетровские традиции.

С.Т. Аксаков был одним из первых, кто обратил внимание на русскую национальную культуру. Но и следующий владелец Абрамцева проявил огромный интерес к русской культуре, к русскому искусству. Прошло несколько лет после смерти С.Т. Аксакова, и его дочь Софья решила Абрамцево продать. В 1870 году усадьбу приобрел Савва Иванович Мамонтов (1841–1918), строитель железных дорог, человек разносторонне одаренный, знаток и ценитель искусства. Он пел, играл в любительских спектаклях, занимался скульптурой, но главным было его умение объединять людей искусства, вдохнуть в них энергию. Немало способствовала созданию творческой атмосферы в доме и его жена Елизавета Григорьевна. И вот в старом абрамцевском доме возникло объединение художников, вошедшее в историю русского искусства под названием «Абрамцевский художественный кружок». В него входили В.Д.

Поленов, И.Е. Репин, В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, М.А. Врубель, К.А. Коровин, В.И.Суриков, И.С. Остроухов, В.А. Серов, М.М. Антокольский. Оказалось, что легкая дружеская обстановка, возможность повседневного общения людей, увлеченных искусством, очень способствует творческой работе. Даже такой нервный человек как Михаил Врубель, вступавший в конфликты со многими, обретал в семье Мамонтовых равновесие. Как родной жил у Мамонтовых Валентин Серов, попавший в эту семью еще ребенком. «Мамонтовский кружок, – писал он, – отличался от остальных тем, что не имел своего писаного устава, члены его никем не избирались, а собирались в дружную семью путем естественного подбора и взаимного тяготения к красоте и искусству. Красота была разлита в абрамцевском пейзаже, среди молодых женщин и мужчин, оживлявших его своим присутствием, а искусство процветало во всех его видах. Единственное, чего не было ни в Абрамцеве, ни в московском мамонтовском доме, – это игральные карты и ломберных зеленых столов. Карты заполняют обычно жизнь чиновного мира, типичные представители которого не знают, чем убить время.

Членам Мамонтовского художественного кружка не надо было его “убивать”. Время для них не тянулось, а летело – только успевай за ним проявить, к общей радости, то, чем сейчас полно сердце!

И проявляли свое дарование...».

Художественный кружок начался с увлечения театром, с домашних спектаклей. Часть пьес для них написал сам Савва Иванович Мамонтов. Из этих любительских спектаклей в дальнейшем родилась Русская частная опера Мамонтова. Он первый заметил и «вывел в люди» великого певца Федора Шаляпина. Ярko проявились дарования Коровина, Врубеля и других художников в мамонтовском театре. Театрально-декорационными работами участников абрамцевского кружка открылась новая эпоха в истории русского театра.

Живописные работы художников, созданные в Абрамцеве, очень разнообразны. Одной из самых известных стала картина Валентина Серова «Девочка с персиками» – портрет дочери владельца усадьбы Веры Мамонтовой (1887). «Я хочу, хочу отрадного и буду писать только отрадное», – это слова из письма Валентина Серова (1865–1911), присланного из Венеции. И он нашел отрадное в абрамцевской усадьбе, у Мамонтовых. Портрет Веры Мамонтовой дышит радостью. Эта радость и в розовой кофточке девочки, и в ее небрежной, такой «невзрослой» прическе, и в солнечном свете, льющемся в окно сквозь зеленые листья, и в персиках, разбросанных на белой скатерти стола – персиках из собственной оранжереи. Копия картины находится в столовой абрамцевского дома на том самом месте, где писал ее Серов.

Мысль о том, что искусство должно быть отрадным, была и у В.Д. Поленова (1844–1927). «Мне кажется, – писал он, – что искусство должно давать счастье и радость, иначе оно ничего не стоит. В жизни так много горя, так много пошлости и грязи, что если искусство будет тебя сплошь обдавать ужасами и злодействами, то уже жить станет слишком тяжело». И в Абрамцеве художник написал много этюдов солнечных и радостных.

Особенная природа Абрамцева поразила и М.В. Нестерова (1862–1942). И еще для него оказалась очень важной близость к Радонежу и к Сергиеву Посаду. Именно здесь возник у художника замысел известнейшей его картины «Видение отроку Варфоломею» (1889–1890), посвященной отроческим годам будущего великого подвижника русской земли Сергия Радонежского: «Как-то с террасы абрамцевского дома моим глазам неожиданно представилась такая русская, русская красота: слева лесистые холмы, под ними извивается аксаковская Воря, там где-то розовеют дали, вьется дымок, а ближе капустные малахитовые огороды. Справа золотистая роща. Кое-что изменить, добавить, и фон для “Варфоломея” такой, что лучше не придумаешь. Я принялся за этюд, он удался, и я, глядя на этот пейзаж, проникся каким-то чувством его подлинной “историчности”», –

вспоминал художник. В столовой находится авторское повторение картины Нестерова.

Возможно, если бы Виктор Васнецов (1848–1926) не приехал в Абрамцево, мы знали бы его только как художника-жанриста. Здесь, в Абрамцеве, началась совершенно новая страница в его творчестве: у него возник интерес к русской истории, русской былине, сказке. Здесь он работал над картиной «После побоища Игоря Святославовича с половцами» (1880), неподалеку, в Ахтырке, написал свою знаменитую «Аленушку» (1881). «Абрамцевские дубы надоумили меня, как надо писать “Богатырей”, – писал Васнецов. – «Я только хочу сохранить родную старину, какой она живет в поэтическом мире народа: в былинах о трех богатырях, в песне о вещем Олеге, в сказке об Аленушке».

Художественный кружок возник в то время, когда в обществе усилился интерес к истории России, к русскому национальному искусству, фольклору, древнерусскому зодчеству, что сказалось не только на творчестве художников кружка, но и в облике усадьбы. Однако в то время изучение русского народного искусства только начиналось, и понимание его сути было достигнуто не сразу. Это можно видеть по парковым постройкам 1870-х годов: студии-мастерской для занятия скульптурой и бане-теремке. Их авторы – архитекторы В.А. Гартман и И.П. Ропет были представителями того направления «русского» стиля, который стали называть неофициальным или демократическим. Вдохновение эти архитекторы черпали из крестьянской архитектуры и прикладного народного искусства. Обе постройки деревянные, обильно украшены резьбой. По проекту В.М. Васнецова создана «Избушка на курьих ножках». Она представляет собой миниатюрное повторение настоящей русской избы – срублена из бревен «в обло», то есть из круглых бревен с выпущенными концами. Сделано в ней и волоковое окошечко, а кровельный тес придавлен бревном-охлупнем с коньком. Сказочность придают изображения летучей мыши и совы на фронтонах.

В начале 1880-х годов в Абрамцеве возникла мысль о постройке церкви. Проект в стиле древней русской архитектуры был разработан Поленовым и Васнецовым. За основу был взят общий облик новгородского храма Спас-Нередицы XII века, но звонница скорее псковского типа, а окно на южной стороне скопировано с окна дворца в Боголюбове под Владимиром. Церковь крыта не по законам, как древние церкви, а имеет простую четырехскатную кровлю. Дело в том, что почти все древние церкви при ремонтах получали такие кровли. И только в XX веке при реставрации многим из них был возвращен первоначальный облик. Несмотря на сочетание разных архитектурных прообразов, здание церкви получилось цельным, его формы кажутся древними. Только выпадают из общего стиля веселые разноцветные изразцы, которыми украшен мощный барабан церкви. Строительство церкви завершилось в 1882 году, и она была освящена во имя образа Спаса Нерукотворного. В иконостасе работы Поленова, Васнецова, Репина и других художников. К церкви после смерти сына Мамонтовых Андрея была позже пристроена часовня по проекту Виктора Васнецова.

Однажды, гуляя в окрестностях Абрамцева, Репин и Поленов увидели на фасаде одной избы в Репихове резную доску. Они купили ее. Так в усадьбе начала складываться коллекция предметов русского народного искусства. Скоро коллекционирование захватило многих членов абрамцевского кружка. Особенно много сделали в этом направлении Е.Г. Мамонтова и Е.Д. Поленова. Они искали образцы художественных изделий в окрестных деревнях, ездили в Ростов Великий, Ярославль, Кострому и другие местности. А в 1885 году в кабинете Мамонтова был открыт первый в России музей русского народного искусства. Это была небольшая, но хорошо подобранная коллекция домовой резьбы, деревянных солонок, ковшей, вальков, рубелей, прялок, туесов, пряничных досок, игрушек, а также набойки, глиняной посуды, изразцов и пр. Сейчас частично эта коллекция экспонируется в помещении бывшей кухни.

В пореформенной России крестьянское искусство быстро исчезало, наступало время фабричного производства. Члены Абрамцевского кружка хотели не только сберечь, но и развить кустарное художественное производство. Как нельзя лучше пригодились им то, что Е.Г. Мамонтова открыла в усадьбе школу для крестьянских ребят, а при школе столярную мастерскую. Художественным руководителем мастерской вскоре стала Елена Дмитриевна Поленова (1850–1898). Она говорила: «Цель наша – подхватить еще живущее народное творчество и дать ему возможность развернуться». Мастерская стала выпускать украшенные резьбой шкафчики, полочки, мебель. Эти вещи вошли в моду и находили некоторое время хороший сбыт. Изделия абрамцевской мастерской выставлены в «Бане-теремке».

В Абрамцеве С.И. Мамонтов основал и гончарную мастерскую. Художники занялись в ней майоликой, то есть изготовлением изделий из обожженной глины, покрытых цветными глазуриями. Начали они с печных изразцов. Несколько печей, облицованных изразцами, мы и сейчас можем видеть в усадебном доме. Делали также вазы и скульптуру. В этих работах принимал участие и сам Мамонтов, и художники Серов, Поленов, Коровин, Васнецов. Но особенно увлекся керамикой Врубель (1856–1910). Он стремился выразить свою беспокойную мысль и порывистую душу в новых формах. Картины Врубель писал в условной манере, усиливая декоративность. Так было и в тех случаях, когда он создавал произведения прикладного характера. Примером этого является каминный экран «Князь Гвидон и Царевна-Лебедь» (1890-е годы), сделанный им для абрамцевского дома. Эта работа близка его картине «Демон» (сидящий). То же задумчивое, печальное и гордое лицо, те же колоссальные цветы, как будто созданные из драгоценных камней. Тот же фантастический, сказочно-прекрасный и словно окаменевший мир. Художник использовал в работе над экраном бронзовую и серебряную краску. Позднее он применил их в картине «Демон

поверженный». К сожалению, такие краски тускнеют со временем, и мы не можем видеть эти произведения художника, какими они были раньше.

При создании майолики иногда получают изделия с металлическим блеском глазури. Их браковали. Но Врубель посмотрел на это иначе. Его всегда привлекали блеск металлов, переливы драгоценных камней. Он увидел не брак, а новый декоративный эффект. Мастеру П.К. Ваулину удалось разработать технологический процесс, при котором в результате восстановительного обжига изделия получают металлический переливающийся блеск, называемый люстром. В такой технике Врубель создал серии скульптур на темы опер Римского-Корсакова «Снегурочка» и «Садко». Эти оперы были особенно близки Врубелю, потому что в них на сцене частной оперы Мамонтова пела его жена Н.И. Забела-Врубель. Из скульптурных работ Врубеля одной из самых интересных является голова львицы. В ней хорошо видно его умение стилизовать натуру. Образ львицы получился величественным и прекрасным. Чем-то он напоминает древнеегипетскую скульптуру. Работы Врубеля экспонируются в Студии-мастерской.

Много изменений принесло время в абрамцевский парк при Мамонтовых. Был сделан насыпной участок сада, получивший название «Таньонов нос» по имени гувернера-француза. На этом участке поставили майоликовую скамью Врубеля. Появились в парке половецкие «каменные бабы» – их привез Мамонтов с юга, когда занимался строительством Донецкой железной дороги. А деревья туи, по-видимому, связаны с Е.Г. Мамонтовой. Совсем юной, еще до замужества, она путешествовала по Европе, побывала и на могиле В.А.Жуковского в Баден-Бадене. Этого поэта она особенно любила и постоянно читала. С деревца туи на могиле Жуковского она сорвала веточку и вшила в свой альбом. Предполагают, что поэтому и были посажены в парке туи.

Оранжереями занимался садовник М.А. Редькин. Как вспоминала Е.А. Самарина-Чернышева, он «был хорошим садовником, и под его рукой

сохранялась оранжерея с чудными чайными розами. Это было целое дерево, которое разветвилось по всему потолку, решеткам. Там же были первоклассные персики, которые попали на знаменитую картину Серова “Девочка с персиками”. Много цветов выращивалось в этих двух оранжереях: чудесные гиацинты, небольшие сирени, разноцветные цинерарии – этими цветами украшалась большая столовая в доме на Пасху. Вокруг дома летом были красивые клумбы с довольно неприхотливыми цветами: большие гряды многолетних центифольных роз. По уступам около большой террасы и вдоль дорожки от дома к церкви и оранжерее много было однолетних и многолетних цветов: левкой, душистый горошек, табак, настурции; на “Таньоновом носу” – крупные красные маки и темно-синие лупинусы; а под окнами дома по фасаду – в изобилии белые флоксы».

Художественные традиции Абрамцева продолжались и продолжают до сих пор. В 1934 году началось строительство десяти дач для художников. Так возник поселок художников, который называют Ново-Абрамцевым. Рядом построил дачу с мастерской по своему проекту Игорь Грабарь, известный художник и искусствовед. В начале 1970-х годов в абрамцевском музее был создан отдел современного искусства. В нем собраны произведения художников, многие из которых жили и работали в окрестностях Абрамцева. В музее есть картины тех, кто входил в начале 1910-х годов в объединение «Бубновый валет»: Петра Кончаловского, Ильи Машкова, Аристарха Лентулова, Александра Осмеркина, Роберта Фалька, Василия Рождественского. Это были художники европейского уровня и в то же время очень русские, московские. В Москве на выставках висели вперемешку картины русских и французских мастеров. Такой уж это был город – притягивал таланты. Петербургский художник Александр Бенуа писал, что, попадая в Москву, он чувствует себя так, «точно поднялся на высокую гору, где парит здоровье, где ясно светит солнце, где можно жить». В Москве «самый воздух как-то пьянит, дразнит, подстегивает, да и свет там иной, иные во всем краски». Это искусство – здоровое, иногда грубое, порой

пугающее, но всегда интересное, бодрящее – и возникло в Москве. Художники представлены, конечно, с разной полнотой. Наверное, самый большой временной интервал произведений у Роберта Фалька (1886–1958): от «Бутылок» 1910 года до «Хотьковского монастыря» 1954-го. Башня и часть стены монастыря на этом полотне напоминают какой-то средневековый замок; низкое темно-красное строение с черным проемом возле подножия стены выглядит загадочно, пышные кроны огромных деревьев уходят в синее небо. Но, несмотря на всю кажущуюся необычность пейзажа для средней полосы России, еще недавно было нетрудно найти место, с которого писал художник и убедиться, что пейзаж вполне реален. Фальк считал, что «живопись – это музыка цвета». И к его работам это выражение относится в полной мере. А вот другая картина того же художника – «Репихово. Козы». Репихово – деревня рядом с Хотьковым. Работа небольшая, а кажется монументальной. И возникает ощущение безбрежности. И солнце, солнце, солнце ... Кажется, что не оно освещает лужок, а солнечный свет идет от самого полотна. А как артистично написаны козы!.. По рассказу вдовы художника, записанному Алексеем Ивановичем Куншенко, многие годы заведовавшего в Абрамцевском музее отделом современного искусства, когда Фальк работал, козы вдруг ушли. Он как-то даже обиделся. Тогда жена принесла соли, а соль была в то время по карточкам – 1947 год – и приманила коз назад. Сами потом ели картошку без соли, с килькой.

Блестяще представлен в Абрамцеве Василий Рождественский (1884–1963), художник, который как-то остается в тени более известных членов объединения «Бубновый валет». Его живопись хочется назвать мерцающей, перламутровой. У Рождественского в пейзажах чистый воздух русского Севера, Беломорья; в натюрмортах – живое серебро только что вытасненных из воды рыб. Возникает ощущение холодка летнего утра на севере. К этому художнику можно отнести слова одного из искусствоведов, сказанные тем

об Анри Матиссе: он «держит свои горести при себе, Он не желает никому их навязывать. Людям он дарит только спокойствие».

Немало в музее и полотен Петра Кончаловского (1876–1956). Он жил в абрамцевском доме в 1919–1921 годах, участвовал в создании музея. Написал целый ряд абрамцевских пейзажей: «Дубовая роща, освещенная солнцем». «Мост. Река Воря», «Сосна» и другие. А сравнительно недавно – в начале 1990-х годов – приобретены музеем шесть его больших панно: «Сбор винограда». «Сноп». «Посадка герани», «Оливковая роща»... При взгляде на эти работы сразу вспоминается Ван Гог, его «Красные виноградники в Арле». Считается, что Кончаловский во времена «Бубнового валета» находился под влиянием Сезанна. Это чувствуется и в его абрамцевских пейзажах. Но первая выставка «Бубнового валета» состоялась в 1910 году, а на панно указан год – 1909-й. Кончаловский как раз перед этим побывал на юге Франции. М. Волошин писал в 1910 году о Кончаловском, что тот «пережил уже много художников и художественных методов и смущает тем, что никогда не знаешь, чего можно ожидать от него. Два года назад он страстно переживал Ван Гога и работал в Арле на тех самых местах, где работал тот».

Другим направлением, в котором шел сбор коллекции современного искусства в музее, была живопись «шестидесятников»: Андрея Васнецова, Николая Андропова, Иллариона Голицына и других. Колорит большинства полотен очень сдержанный. Лица на портретах едва намечены. В них надо вглядываться и вдумываться. Очень интересен портрет Бориса Шергина работы Голицына. Это не просто портрет, а скорее портрет-картина: странная темно-зеленая комната, окно под потолком. Отсчитывают время ходики. На стенах иконка и картина с кораблем. А внизу притулился маленький седой старичок с длинной белой бородой, словно вышедший из сказки. Шергин был певцом былин и сказителем, писателем и этнографом. Потомок архангельских кораблестроителей и мореходов, он жил в Москве, в комнатухе – бывшей келье Рождественского монастыря, где его портрет и

писал художник. Но еще Шергин с 1938 года много лет жил на даче в Хотькове. Немало написал в дневниках о Хотькове, Радонеже, Троице-Сергиевой лавре.

В окрестностях Хотькова находилась раньше усадьба князей Трубецких **АХТЫРКА**.

От автовокзала можно проехать на автобусах № 31, 43, 44 или на маршрутке до поворота на Ахтырку и дальше пройти направо пешком дорогой, идущей по высокому берегу Вори, заросшему елями. Скоро впереди покажется одноглавая красная церковь и колокольня. А можно пройти в Ахтырку и от Музея-усадьбы «Абрамцево».

Когда-то это было сельцо с очень простым названием: Дудкино. Но вот в 1739 году купил его князь Трубецкой Иван Юрьевич, сын которого – Николай построил деревянную церковь во имя явления Ахтырской иконы Богоматери. Икона была явлена в городе Ахтырка Харьковской губернии и после нескольких исцелений, произошедших возле нее, признана чудотворной. Строительство церкви в усадьбе Трубецких во имя этой иконы связано с такой легендой. Раненый князь возвращался домой. Вдруг лошади понесли. Экипаж свалился с высокого берега Вори, речки, протекающей возле усадьбы, и разбился. У князя был список с Ахтырской иконы Божией Матери, данный ему родителями. Князь оказался невредим, а икона, находившаяся в багаже, оказалась рядом с ним. В память чудесного спасения и построил он церковь во имя явления Ахтырской иконы. Вскоре и усадьбу, и село стали называть по церкви – Ахтыркой. А слово это скорее всего тюркского происхождения и значит «белая крепость» («как турка»).

Величественный вид приобрела Ахтырка при следующем владельце – Иване Николаевиче (1760–1843). Его жена Наталья Сергеевна, урожденная княжна Мещерская (1775–1652), взялась за обустройство усадьбы. При ней был выстроен обширный дом, каменная церковь с колокольней, разбит парк, запружена река, так что получился большой пруд. И Ахтырка оказалась едва ли не единственной в Подмосковье усадьбой, целиком выстроенной в одном

стиле – стиле ампир. 20-е годы XIX века – последний всплеск усадебного строительства. Автором проекта дома, был как предполагают, Доменико Жилярди (1785–1845), много работавший в Москве после пожара 1812 года, или кто-то из его учеников. Владельцы, сознавая ценность архитектурного ансамбля, заказали изображение усадьбы художнику, оставшемуся для нас неизвестным. На литографии 1830-х годов мы видим и широкий пруд с лодочной пристанью, и величественный дворец на другом его берегу, и молодые еще посадки деревьев. А большая часть парка была разбита в расчищенном лесу. Е.Н. Трубецкой писал, вспоминая парк уже 1870-х годов: *«...глаз, привыкший к стилю, радовался тут на каждом шагу. Мостики, переброшенные через ручьи, с грациозными перилами в березовой коре, круглая одноэтажная беседка “гриб”, двухэтажная беседка “эрмитаж” с мезонином, с дивным видом с лесистого холма на дом, утопающий в зелени на противоположном берегу реки, пристань для лодок в стиле дома. Весь этот огромный сад с вековыми деревьями, березами, липами, тополями, соснами и елями был раскинут по холмам по обоим берегам реки Вори, запруженной и образующей в Ахтырке широкую водную поверхность с островом посередине, куда мы часто ездили на лодке. Все это было с любовью и удивительным вкусом устроено моей прабабушкой».*

Сын Натальи Сергеевны Трубецкой, Петр Иванович отметил ее заслуги способом необычным, по крайней мере, в России нераспространенным: поставил ей на берегу Вори памятник-колонну с выбитым на ней стихотворением собственного сочинения. В нем есть такие строки:

*Ты местность эту сотворила,
Храм Божий, воды, дом и сад,
Саму природу победила,
Всему дав стройный, дивный лад.*

Это не памятник на могиле – княгиня, как и предыдущие владельцы Ахтырки, похоронена под Трапезной Троице-Сергиевой лавры. Нет, это памятник матери и ее деяниям.

От бывшего великолепия осталась только церковь с колокольной. Колонна памятника долгие годы валялась на земле. Не так давно памятник восстановлен, стоит возле церкви.

Строгой и величественной архитектуре усадьбы соответствовал и стиль жизни владельцев. Вспоминая о своем деде Петре Ивановиче (1798–1871), генерале от кавалерии, потом сенаторе, Евгений Трубецкой писал: «Дедушка не только требовал, чтобы всё кругом подчинялось стилю, но и сам ему подчинялся... Раз заведенный порядок повторялся у него изо дня в день, из часа в час. Все те же часы вставания, все та же каждодневная прогулка с сидением точно определенного количества минут на названной в его честь княжой скамейке в парке. И никакая погода не была в состоянии изменить этого обязательного для него расписания.

Однажды в холодный осенний дождливый день моя мать сопровождала дедушку во время прогулки. Когда он по обыкновению сел на княжью скамейку, она тоже хотела посидеть вместе с ним, но он дрожащей от холода рукой вынул из кармана часы и, посмотрев на них, сказал: “Идите, идите, дорогая домой, я боюсь, что Вы простудитесь, а я должен оставаться еще на десять минут на этой скамейке”. И досидел...»

Жизнь в Ахтырке изменилась, когда в начале 1860-х годов в ней поселился Николай Петрович Трубецкой (1828–1900) с молодой женой Софьей Алексеевной, урожденной Лопухиной (1841–1901). Е.Н. Трубецкой писал: «... новый жизненный принцип, внесенный Мам’а в Ахтырку, выразался в положении – все для детей ... Тут были даже преувеличения, и мы были ими избалованы... Вспоминая переход Ахтырки моего деда к Ахтырке моего отца, – я испытываю впечатление, словно вся величественная архитектура ахтырской усадьбы ушла вовнутрь, превратилась в иную, магическую архитектуру звуков».

Н.П. Трубецкой, выйдя в отставку, познакомился с музыкантом Николаем Григорьевичем Рубинштейном (1835–1881) и стал его ближайшим другом, покровителем и спонсором. С этих пор для князя главным делом жизни стала организация музыкальной жизни Москвы и открытие Московской консерватории. В 1860 году они создали Московское отделение Русского музыкального общества (РМО), а в 1866 году – Московскую консерваторию. При этом Рубинштейн отвечал за художественную часть, а всеми организационными вопросами занимался Трубецкой. Благодаря своему титулу и весу в обществе ему удавалось преодолевать многие административные препоны.

В 1860–1870 годы в Ахтырке подолгу гостили выдающиеся музыканты, профессора Московской консерватории: знаменитый виолончелист Косман, один из первых скрипачей мира – Лауб и его ученик Гржимали, виолончелист Фитцвенгаген, и, конечно, сам Н.Г. Рубинштейн. В 1847 году побывал в Ахтырке П.И. Чайковский.

Духовная атмосфера дома была создана Софьей Алексеевной. Она дала детям религиозное воспитание. Евгений Трубецкой привел в воспоминаниях такой случай: Моя маленькая сестренка, кажется, Тоня ползает под столом после обеда и собирает крошки. Она знает, что это запрещено и потому говорит: “Мама, отвелнись, я буду собирать клошки!” Мама указывает на образ и говорит: “Я не увижу, так Бог увидит”; а Тоня ей в ответ: “Пелвелни Бога”.

Не помню, что сказала на это Мам’а. Помню только, что с этой минуты с какой-то необычайной силою гипноза мне врезалось в душу религиозное ощущение, навсегда оставшееся для меня одним из центральных и самых сильных, – ощущение какого-то ясного и светлого ока, пронизывающего тьму, проникающего и в душу, и в самые темные глубины мирские; и никуда от этого взгляда не укроешься. Такие гипнотические внушения – самая суть воспитания, и Мам’а как никто умела их делать...

Помню, как Мам'а готовила нас к первым нашим детским исповедям, читая Евангелие. Страдания Христа и ужас человеческого греха, приведший к этому, так ярко изображались в наших душах, потрясающая повесть о Голгофе так захватывала, что мы все плакали».

Старший из сыновей Софьи Алексеевны – Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905) – стал выдающимся философом. Свою магистерскую диссертацию он посвятил матери. В формировании его взглядов, несомненно, сказалось воспитание, полученное в Ахтырке. Евгений Трубецкой писал: «Самое имя “Сергий” не случайно было ему наречено при крещении. Ахтырка, где он родился, находилась всего в тринадцати верстах от Троицко-Сергиевской лавры и всего в пяти верстах от Хотьковского монастыря, где погребены родители св. Сергия – Кирилл и Мария. Хотьковом и Лаврой полны все наши ахтырские воспоминания. В Лавру совершались нами – детьми – частые паломничества, там же похоронили и дедушку Трубецкого; а образ св. Сергия висел над каждой из наших детских кроватей. – Нужно ли удивляться, что мирозерцание моего брата, а в особенности внутренняя музыка его существа – насквозь насыщены густым звоном лаврских колоколов и носят на себе печать великой народно-русской святыни?..

Когда я вспоминаю жизнь моего брата Сергея, мне всегда кажется, словно в нем чувствовалась мысль и воля этого святого – исповедника соборности, который учил прежде всего любить, а уж потом созерцать».

Сам Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) был также выдающимся религиозным философом. Он безусловно испытал на себе влияние всей атмосферы Ахтырки и ее близости к Троице-Сергиевой лавре. Среди его трудов особое место занимают очерки о древнерусском искусстве, имеющие непреходящее значение: «Умозрение в красках», «Два мира в древнерусской иконописи» и «Россия в ее иконе». Он постиг язык древнерусского искусства, понял символику красок, значение золотого ассиста икон, смысл архитектурных форм храмов и смог донести это

понимание до слушателей его лекций и до читателей. В этих трудах Трубецкого слиты воедино эстетическое, философское и богословское понимание древнерусского искусства.

В 1880-е годы природа Ахтырки привлекла внимание художников Абрамцевского кружка. Виктор и Аполлинарий Васнецовы написали немало этюдов в ее окрестностях. В 1891 году на даче в Ахтырке поселился Михаил Нестеров. Но замечательный архитектурный ансамбль усадьбы почти не привлекал внимания этих художников. Видимо, это объясняется тем, что художники Абрамцевского кружка были увлечены народным искусством и древнерусской архитектурой, а наследием эпохи классицизма не интересовались.

Отношение к искусству классицизма в русском обществе изменилось в конце 1900-х годов. Писал Ахтырку живший на даче у своих родственников Абрикосовых художник Василий Кандинский (1866–1944), основоположник абстракционизма, получивший позднее мировую известность. Очень интересен, в частности, его этюд «Красная церковь» с резким сопоставлением звонких локальных цветов – красного и зеленого.

Николаю Петровичу Трубецкому пришлось еще в 1879 году продать усадьбу. Музыкальное общество, консерватория, большая семья, широкая благотворительность поглотили его состояние. Ахтырка вскоре была приобретена московским мировым судьей И.М. Матвеевым, затем владельцем стал его сын Сергей Иванович. Он устроил в усадьбе замечательные цветники. Но позже его выселили, а в усадебном доме власти в 1921 году устроили детский дом для беспризорников. Крестьянам это не понравилось, и они дом подожгли.

В 1980-х годах церковь, к тому времени уже полуразрушенная, была реставрирована и в 1991 году ее передали общине верующих. Храм отличается простыми, строгими формами: кубический объем завершается купольной ротондой. Колоннады боковых портиков сообщают ему торжественную монументальность. Взяв книгу по архитектуре Древней

Греции, вы убедитесь, что в декоре церкви использованы древнегреческие элементы дорического ордера: триглифы, метопы, гутты, мутулы. Пояс на стенах имеет меандровый орнамент. Храм соединен с колокольной крытым переходом. Колокольня, завершающаяся шпилем, – на редкость стройная, в отличие от большинства колоколен XIX века. Красавица церковь с белыми колоннами портиков и белым же декором на темно-вишневом фоне стен – сооружение стиля ампир, детище несомненно талантливого архитектора. Но немалая роль в создании этого замечательного памятника архитектуры принадлежит и княгине Н.С. Трубецкой: в альбоме А.С. Кутепова, ученика Доменико Жилярди, она выбрала самый удачный проект.

К сожалению, убранство интерьера церкви полностью утрачено. Возле церкви построено множество каких-то сараев. Да и сама она после реставрации уже сильно обветшала. Правда, в последние годы перед церковью разбиты клумбы. Плотина давно разрушена. Почти ничего не осталось от усадебного парка. Но если перейти на другой берег реки, то в траве можно заметить крохотные маргаритки, вызывающие чувство жалости. Маргаритка – удивительное по стойкости растение. В самых неблагоприятных условиях она, мельчая, вырождаясь, продолжает жить. Места, где были иные усадьбы, порой только по этим цветам и можно определить.

Теперь мы расстаемся с бывшей усадьбой. Наш путь лежит в деревню **МУТОВКИ**. В 1920-х годах окрестные деревни по левой стороне дороги были для московской интеллигенции местом летнего отдыха. Было принято снимать у крестьян избы под дачи. Так, в Мutowках, в семи километрах от станции Хотьково, провел лето 1927 года Борис Пастернак с семьей. В одном из писем он писал: «Мы же, по-видимому, снимем дачу в 60-верстах от Москвы, поблизости от Абрамцева, когда-то имения Аксаковых, в местности вообще очевидно отличавшейся высоким литературным вкусом – (невдалеке, в пяти верстах от деревни имение Тютчевых). Далее поэт объяснял особенности выбранного им дома. Ему понравилось, что хозяин

Гаврила Веденеев выстроил дом на самом обрыве и вынес за откос большой балкон, укрепив его огромными бревнами. С него открывался исключительный по живописности вид. Сам поэт называл эту террасу-балкон своим «воздушным кораблем». По вечерам все родные – семья его брата тоже снимала дачу в этой деревне – собирались на балконе и, конечно, пили чай:

*Когда на дачах пьют вечерний чай,
Туман вздувает паруса комарьи,
И ночь, гитарой брякнув невзначай,
Молочной мглой стоит в иван-да-марье...*

Заметим, что большинство подмосковных деревянных дач, в конце концов, по тем или иным причинам сгорели. Исключением являются те, в которых, устроены музеи: в Болшеве музей Марины Цветаевой, в Переделкине – Корнея Чуковского и Бориса Пастернака. А в Мутовках дом, в котором жил поэт, сохранился и принадлежит потомкам хозяев, сдававших помещение Пастернаку. В столетний юбилей поэта, в 1990 году, на доме установлена памятная доска. Сейчас балкон застеклен, а стены дома обшиты досками и покрашены зеленой краской. Но вид с обрыва на долину Вори по-прежнему живописен.

Пастернак был недоволен тем, что написал не так много стихов в то лето. Вернувшись в Москву, он писал: «Три с половиной месяца провел в прекрасной местности без видимой пользы». Виной этому было богатство местности в ту пору ягодами, грибами, орехами. Это отвлекало от поэзии. Стихотворения «Ландыши», «Сирень» и «Любку» он даже назвал немного насмешливо «ботаническими стихами». Но как же ясно в стихотворении «Ландыши», написанном в Мутовках, он выразил мысль о равноправии человека и природы. Вот поэт спустился в овраг, смотрит на березы, но и они смотрят на него; и за этой встречей наблюдают ландыши:

*...Жары нещадная резня
Сюда не сунется с опушки.
И вот тыходишь в березняк,*

Вы всматриваетесь друг в дружку.

*Но ты уже предупрежден.
Вас кто-то наблюдает снизу:
Сырой овраг сухим дождем
Росистых ландышей унизан.*

*Он отделился и привстал,
Кистями капелек повисши,
На палец, на два от листа,
На полтора от корневища...*

Стихи Пастернака всегда переполнены растениями, дождями, метелями. Пейзажи? Скорее это изображение толпы. Толпы живых существ. «Гениальный дачник» – окрестили его собратья. Дача в их глазах нечто похожее на башню из слоновой кости. А он жил словно в переполненном общежитии, независимо от прописки. Вокруг все живое. Все движется, чувствует, реагирует на окружающую обстановку. Может быть, поэт ощущал мир, как ощущали его наши далекие предки тысячи лет назад, когда язычество было их религией. И вот в наше время родился человек с прапамятью.

Но через «много-много лет» его встревожил голос Бога («Рассвет»). И это стало для него потрясеньем. А что же природа? Неужели она осталась во тьме язычества? В стихотворении – «На Страстной», написанном уже в 1940-х годах, поэт открывает нам тайну: природа испытывает к Богу те же чувства, что и человек:

*...А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.*

*И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград.*

*Колелбетя земли уклад:
Они хоронят Бога.*

*И видят свет у царских врат,
И черныи плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица –
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащаницей,
И две березы у ворот
Должны посторониться...*

А каким был в 1927 году летний отдых поэта, мы знаем из его письма сестре Жозефине в Лондон: «Жаркий летний полдень. Встали, как часто в последнее время, в седьмом часу. После чаю с Женичкой отправились в лес за соседнюю деревню. Он – на обрыве, место называется Маланьина гора. Сейчас пора покоса, ты догадываешься, чем дышит ветер. Мы пошли по ягоды. Помнишь младенчество? Вызови его в памяти и ты вживе увидишь и Женичку с корзиночкой в руке и со страстью в глазах, тонущего на корточках в густой сочной траве, глушащей пни и кочки на этой полосе прошлогодней лесной порубки. А в ней не менее милые тебе крупные зернистые рубины изомлевшей от зрелости земляники. Мы были так поглощены сбором, что в двадцати шагах от тропки прозевали Маргариту, точно ее не бывало, да и бесследно пропали для нее. Правда – холмист и густ этот ягодник, а густой березняк, в котором все это происходит, так ослеплен солнцем, что нет материи и краски, которая бы в этот час не показалась бы частью его горящей зелени».

Тому, кто захочет поворить путь со станции Хотьково в Мутовки, которым ходил Пастернак, и увидеть эту Маланьину гору, придется пройти от станции назад вдоль железной дороги, у пешеходного перехода свернуть направо и выйти сначала по шоссе, потом по улице, идущей между дачными домами, к берегу Вори. Вот этот крутой склон к ней и назывался Маланьиной горой. Спустившись, надо перейти речку по мостику и пройти через деревню Быково. Дальше будет деревня Мутовки. По деревенской улице идти вправо до крайнего дома.

Можно воспользоваться автобусом или маршруткой. Только обязательно спросите, чтобы не уехать в другую сторону. От автовокзала в Хотькове на автобусе № 55 надо доехать до остановки «Новые дома», затем пройти несколько метров

вперед и свернуть направо. Вы выйдете на ту же Маланьину гору. А самый удобный путь: от автовокзала по маршрутам № 31, 43, 44 доехать до улицы Лазо, пройти влево, перейти Ворю по мостику и подняться по склону до первого дома в деревне. Но не пытайтесь использовать эти пути во время половодья. В эту пору можно пройти пешком от музея «Абрамцево».

Дальше нас ждет незабываемая встреча с Радонежем – селом, где прошли юные годы будущего великого святого, откуда он отправился на гору Маковец, где и был основан им Троице-Сергиев монастырь, в XVIII веке получивший название Лавры.

Но не стоит выходить на платформе Радонеж. Лучше выйти или в Абрамцево, или проехать до станции Хотьково. В первом случае придется от платформы пройти несколько километров пешком. Во втором – можно доехать до Радонежа на местном автобусе № 31, правда, он ходит не часто. И отправляется то с правой, то с левой стороны дороги. Удобнее для преодоления этого участка дороги воспользоваться междугородным автобусом № 388. Он останавливается на шоссе напротив автовокзала в Хотькове (слева от железной дороги).

Путь в **РАДОНЕЖ** лежит через деревню **РЕПИХОВО**, и ваш взгляд остановит забавная реклама: «Летайте воздушными шарами!». Сергиево-Посадский район называют родиной современного воздухоплавания: ведь в Репихове находится завод по производству воздушных шаров, точнее тепловых аэростатов. Предприятие «Интеравиа-Сервис», созданное в цехах старинной ткацкой фабрики, работает с 1989 года. Выпускает и шары классической формы – в виде перевернутой капли, и аэростаты специальных форм для праздников и фестивалей. Ежегодно в мире проходит более сотни фестивалей воздухоплавания. А в Сергиево-Посадском районе такой фестиваль называется «Небо Святого Сергия». Незабываемое, хотя и недешевое, зрелище – увидеть Сергиевскую землю с воздушного шара. Но и просто посмотреть интересно: в небе плавно летят сделанные по желаниям заказчиков гигантские шары «Башня Кремля» и «Царь-колокол» в натуральную величину, «Матрешка» высотой с десятиэтажный дом – символ Сергиево-Посадского района – и другие.

Репихово, небольшой лесок, поле... А за ним виднеется сельская церковь с колокольней. Писатель Борис Шергин (1893–1973) воскликнул:

«Посети Радонежскую землю. Ты увидишь холмы, то покрытые лесом, то пашнями. Узенькие реки отражают серебристо-облачное небо... Если ты любишь святую Сергиеву Русь, мысленное око твое радостно увидит и Его». Да, мы на святой Сергиевской земле. Сколько раз ходил этой дорогой преподобный Сергей!

Эти места были обитаемы еще до того, как сюда, предположительно в XI веке, пришли славяне. Археологи нашли в Радонеже бронзовую подвеску в виде медведя и датировали ее VII–XVIII веками. находка бронзовой шумящей подвески IX века подтвердила, что местность была заселена финно-угорским племенем меря. При раскопках в Радонеже было также найдено немало кузнечных изделий, керамической посуды, глиняных игрушек XIV–XV веков.

Село долгое время называли не Радонеж, а Городок – старинное название забыли. В самом деле, здесь, на высоком мысу в крутой петле речки Пажи, стоял маленький укрепленный город. При приближении врага в таких крепостях укрывались окрестные жители. С X века славяне при строительстве укреплений старались выбрать площадку, которая была бы окружена естественными препятствиями, в данном случае этим препятствием служили крутые берега реки. Для защиты открытой части городища делали ров и вал, на котором стояли стены из срубов, заполненных землей, и деревянные башни. Типичным примером подобной крепости и был Радонеж. Валы и сейчас хорошо видны на некотором расстоянии справа от церкви. Но все строения были уничтожены огнем в Смутное время.

Существующую церковь во имя Преображения Господня с приделом преподобного Сергия Радонежского выстроили в середине XIX века. Ее архитектура традиционна для того времени. И мы, может быть, не стали бы на нее обращать особого внимания, если бы не стояла она в Радонеже – селе, где прошли молодые годы Варфоломея, будущего великого русского святого. А еще стоит вспомнить слова Д.С. Лихачева о сельских церквях, о

том, что они служили «гармоническим завершением ландшафта», а «золотая маковка не только издали светилась, как яркая, веселая игрушка, но и была ориентиром для путника». Подумайте, как изменился бы пейзаж, не будь в нем этой ничем особо не замечательной церкви.

Рядом с церковью в 1988 году установили памятный знак преподобному Сергию работы Вячеслава Клыкова. Мы уже встречали имя этого скульптора, когда говорили о памятнике Николаю II в Тайнинском.

К.С. Аксаков, подметил какую-то особенность этой местности. Он писал в 1857 году о Радонеже: «На нем лежит какой-то особый вид тишины и уединения, точно, Бог знает, в какой глуши, и так хорошо, и тихо становится на душе. Перед глазами нашими, за близкой околицей опять поле, и опять леса. Так тихо и далеко. Так хорошо! Мир и простор».

Теперь село (ему возвращено старинное название – Радонеж) пересекла шоссе́нная дорога. Однако и сейчас можно найти в окрестностях места, где путника охватывает чувство несказанной красоты пейзажа и какого-то особого умиротворения.

Дальше стоит посетить село Воздвиженское, спросив дорогу, и пройти пешком не по шоссе, а по тропинке на юг, к церкви села Воздвиженского. Через луг с его разнотравьем, через лесок, по краю поля, мимо озерка, образовавшегося на месте песчаного карьера. И выйти к Воздвиженской церкви. Правда, этот путь хорош только летом. До Воздвиженского можно и доехать от Хотькова на автобусе № 388.

Воздвиженское было дворцовым селом, где стоял путевой царский дворец. Крестовоздвиженская церковь возведена примерно в то же время, что и храм в Радонеже, в середине XIX века. Но она является интереснейшим памятником архитектуры. Издали, когда видишь силуэт, создается полное впечатление, что это древнерусский храм. Массивный куб, мощный барабан, шлемовидная глава ... Разве что смущает желтая окраска стен. И лишь приблизившись, видишь дорические колонны портиков, итальянские полукруглые окна и понимаешь: барабан такого большого диаметра с пролетами звона потому, что в нем висят колокола. Перед нами редкий тип храма «под колоколы». Церковь спроектирована каким-то

незаурядным московским архитектором в стиле классицизма. Настолько лаконична и пропорциональна ее архитектура, что любоваться можно бесконечно.

Но вернемся в **ХОТЬКОВО**. Еще при подъезде к станции, с моста через речку Пажу, с правой стороны перед нами открылась панорама Покровского женского монастыря в Хотькове. От станции, пройдя пешком несколько десятков метров, мы войдем через Северные ворота на территорию монастыря.

В Покровском монастыре в старости жили престарелые родители преподобного Кирилл и Мария – обитель была тогда смешанного типа, для старцев и стариц. Там же они были и похоронены. Их мощи покоятся теперь в Покровской церкви. День памяти этих святых 31 января. Монастырь этот один из самых древних в России. Недавно отмечали его 700-летие – первое упоминание о нем есть в документе 1308 года. Но старые строения не сохранились. Каменные стены были возведены в конце XVIII века, розовая с колоннами Покровская церковь в стиле классицизма – в начале XIX века. А в начале XX века в монастыре выстроили большой кирпичный Никольский собор в псевдовизантийском стиле по проекту лаврского архитектора А.А. Латкова. Вдоль западной стены монастыря течет Пажа – та самая речка, что и в Радонеже. Стоят на ее берегах старые серебристые ветлы.

В середине XVI века монастырь стал женским. Монахини плели кружева, вышивали золотыми нитями, шелком и бисером, пекли узорные пряники, писали иконы на золотом фоне, делали лоскутные мячики-«гремушки». Богомольцы, шедшие к Троице, заходили в Хотьковский монастырь поклониться родителям Преподобного и покупали изделия монахинь на память. И. Шмелев вспоминал, что когда он в детстве побывал на богомолье у Троицы, то старушка-монахиня в Хотькове говорила путникам: «Уж заночуйте у родителей Преподобного, помолитесь, панихидку по родителям отслужите, схимонаху Кириллу и схимонахине Марии. И услышит вашу молитву Преподобный. У нас хорошо,

порядливо... под Покровом Владычицы обитаем. Родители-то у нас под спудом...кутьицей сытовой родителей помяните, спаси вас Господи. Рукодельница наши поглядите, кружевки, пояски... деткам мячики подарите лоскутные, с вышивкой, нарядные какие...». В последние годы возобновился интерес к таким лоскутным мячикам; им посвящена, например, книга искусствоведа Г.Л. Дайн.

В начале 1920-х годов монастырь был закрыт. В тридцатые годы взорвали колокольню. Вокруг монастыря вырос промышленный город. Местность изменилась. Шергин писал: «Погляжу я на землю: там, где был лес или поле с цветами, там сей год казарменные корпуса химзавода... А подыму лицо вверх, и небо все то же... И то знаю, какова эта ненаглядная серо-жемчужная таинственная пелена бывала тысячу лет назад, такова эта переливная жемчужность и сейчас. Каковым это небо соглядал Сергей Радонежский, таковым лик заветный, блакитный вижу и я, нищий».

Монашеская жизнь возобновилась в начале 1990-х годов. Идут ремонтные работы. И с маленькой деревянной звонницы разносится звон колоколов.

Продолжим путь. Вот с правой стороны проплывает еще одна водонапорная башня. Эти сооружения в стиле модерн с элементами готики, вызывают в памяти средневековые замки. Они сделаны из красного кирпича с белыми деталями. Сделаны очень прочно, на века. И являлись истинным украшением дороги. Окрашенные масляной краской башни стали свидетельством преступного отношения к памятникам архитектуры со стороны нынешнего руководства железной дороги.

Через несколько минут поезд останавливается на платформе **СЕМХОЗ**. Такое название появилось в связи с тем, что в конце XIX века в этой местности Ярославская железная дорога организовала декоративный лесопитомник и семеноводческое хозяйство. Его задачей было выращивание саженцев для высаживания вдоль дороги.

А в памяти возникает имя протоиерея Александра Меня (1935–1990). Он жил в Семхозе с 1964 года. И был убит ранним утром 9 сентября 1990 года, когда шел к электричке, направляясь на службу в храм Новой Деревни (недалеко от станции Пушкино). Отец Александр был талантливым проповедником Слова Божия, выдающимся богословом, автором многих книг по богословию и истории Христианства и других религий. Было у него и немало противников. Неприятие вызывали его идеи экуменизма, то есть сближения с другими религиозными конфессиями, в частности с католической Церковью, и то, что он считал целесообразным переход Русской Православной Церкви на язык более понятный, чем церковнославянский.

Он был убежден, что необходимо знакомить молодежь с нравственными принципами, заложенными в Христианстве, объяснял, как мы должны жить в мире, где царствует зло.

Убийцы о. Александра Меня так и не были найдены. На месте его гибели установлен крест. Потом рядом построили храм-часовню в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи, а затем возвели церковь во имя преподобного Сергия Радонежского. Рядом создан Культурно-просветительный центр «Дубрава» им. о. Александра Меня. В нем открыта выставка «О. Александр Мень: путь человека», посвященная его жизни, служению и творчеству.

К церковному комплексу и к «Дубраве» надо пройти по платформе вперед и подняться направо, вверх по лестнице.

Платформа Семхоз последняя остановка перед станцией **СЕРГИЕВ ПОСАД**. Троице-Сергиева лавра находится с левой стороны от железной дороги. Перед нами привокзальная площадь с выстроенными в последние годы большими торговыми комплексами. На площади в кресле, спиной к железной дороге, сидит странная фигура человека с тростью. Так изобразил Савву Мамонтова скульптор В. Чухаркин.

К Лавре можно пройти пешком: от Вокзальной площади направо, по Сергиевской улице. Со смотровой площадки полюбоваться Лаврой, далее спуститься, пройти вправо и подземным переходом мимо сувенирных лавочек выйти на Красногорскую площадь перед Лаврой. Если пеший путь кажется утомительным, можно от здания автовокзала сесть на автобус или маршрутку и проехать одну остановку. Следует только поинтересоваться, останавливается ли автобус в центре города.

От автора

Троицкой дороге посвящено немало путеводителей, изданных в разное время. Автор настоящего издания руководствовался указаниями о. Павла Флоренского, высказанного им по поводу путеводителя (каталога) по музейной выставке. В докладе 1919 года в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры он призывал делать выставку такой, «чтобы не оскорблять, а радовать глаз». Эту задачу автор старался решить путем отбора объектов, на которых он считал нужным остановить внимание читателя, и, таким образом, шел на заведомую неполноту текста.

И далее о. Павел Флоренский писал: «... каталоги не могут быть простыми перечнями предметов, хотя бы и с указанием дат. Что кубок есть кубок, а икона Богоматери – икона Богоматери, всякий видит и без каталога». И предлагал давать посетителю руководство, «на что, собственно, нужно смотреть, и как смотреть, в чем особенности данного предмета», чтобы «приучить его сознательному и внимательному всматриванию в строение художественного предмета, развить в нем чувство и знание стилей...». Этот завет также, насколько возможно, был учтен автором

Другой член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры М.В. Шик составил тогда же план-конспект краткого путеводителя по Лавре. Он высказал мысль о том, что вообще путеводитель должен быть предназначен «для чтения в вагоне железной дороги, на ходу, или там, где удалось присесть на минутку. Отсюда требование – быть конкретным и лаконичным. Это тот род популярности,

которая делает написанное доступным каждому интересующемуся, не поступаясь в то же время серьезным отношением к излагаемому». Это напутствие о. Михаила Шика также было принято во внимание.

Основная литература

Абрамцево. Художественный кружок: живопись, графика, скульптура, мастерские. Л., 1988.

Акуловскому водоканалу 70 лет. [Электронный ресурс] <http://pushkino-2009.livejournal.com/60030.html>

Амбарцумова О.И., Кузнецова А.Г. и др. Музей-заповедник «Абрамцево». Очерк-путеводитель. М., 1988.

Археология Радонежской земли. Автор-составитель *Вишневский В.И.* Сергиев Посад, 2009

Вишневский В.И. Древности Радонежа. Загорск, 1991.

Баратынский Е.А. Стихотворения и поэмы. Вступительная статья. *Льва Озерова*. Л., 1958

Белов С.С., Гарбер Э.А. Подмосковье. На пути к Сергиеву Посаду. М., 1993

Бочаров Г.Н. Деятельность художников по возрождению народного искусства. Абрамцево и Талашкино // Русская художественная культура конца XIX – начала XX века (1885–1907). М., 1969. Кн. 2.

Воронцов-Вельяминов Николай. Мытищи // Памятники Отечества. Подмосковье. 1994, № 31. С. 66–71.

Ганешин Д.С. Ахтырка. Записки краеведа // Панорама искусств. 1981, № 4.

Гурина Марина. Ярославский вокзал. [Электронный ресурс] http://art.1september.ru/2005/17/no17_2.htm

Дайн Г.Л. Лоскутные мячики из Хотькова. Сергиев Посад, 2008/

Ильин М.А. Путь на Ростов Великий. (От Москвы до Александрова). М., 1973

Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1978.

Лебедева Елена. Чайная сага дома Перловых. [Электронный ресурс] <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/394.htm>

Лихачев Д.С. Земля родная. М., 1983.

Мураново. [Составитель и автор текста *Петров А.*]. М., 1986

Маслов В.И. Минувших дней людские судьбы. Мытищи, 2003

«Мои милые мурановцы». Мураново в письмах Эрнестины Тютчевой // Жизнь в усадьбе. 2006, № 1. С. 32–47

- Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. М., 1970
- Пастернак Е.* Борис Пастернак. Биография. М., 1997
- Пастернаковское лето. Произведения с конкурсов имени Бориса Пастернака. Сергиев Посад, 2006
- Прахов Н.А.* Старое «Абрамцево». Воспоминания детства. Музей-заповедник «Абрамцево», 2008.
- Смирнова Т.В.* Из прошлого Сергиевской земли. Сергиев Посад, 2011.
- Смирнова Т.В.* Усадьба Ахтырка и князя Трубецкие. Сергиев Посад, 2006.
- Трубецкой Евгений.* Из прошлого. М., 1917.
- Трубецкой Евгений.* Три очерка о русской иконе. М., 2003.
- Федоров Н.* ДМИТЛАГ (Из истории строительства канала Москва-Волга). [Электронный ресурс] <http://archive.martyr.ru/content/view/14/17/>
- Флоренский Павел.* Об издании каталогов Лаврского Музея // Флоренский Павел, священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000.
- Чернов С.З.* Древний Радонеж. [Электронный ресурс] <http://www.rusarch.ru/chernov5.htm>
- Шергин Борис.* Изящные мастера. М., 1990.
- Шмелев Иван.* Богомолье. Лето Господне. М., 1996.

Илл. к книге приведены в мультимедийном издании.